

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н.С. Лабуткин*

КОНЦЕПЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ: ОТ ГЕТЕРОГЕННОСТИ К ПЛЮРАЛИЗМУ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

История изучения феномена региональных подсистем берет начало в 1950-х годах. Уже тогда ряд исследователей выступили с идеей о том, что модели, разработанные для объяснения логики развития биполярной системы, не в состоянии в полной мере адекватно отразить специфику региональных процессов. В этой связи возникла необходимость дополнить системный уровень исследований международных отношений еще одним — «подсистемным». В данной статье представлен сравнительный обзор существующих в зарубежной и отечественной научной литературе основных подходов к изучению и определению феномена региональных подсистем. Автор предпринимает попытку проследить эволюцию исследований концепции подсистем, определив их современное состояние и выделив основные спорные вопросы, касающиеся интерпретаций понятия «региональная подсистема» и строящихся на их основе теоретико-методологических подходов. В первой части статьи освещены различные определения феномена региональных подсистем, сформулированные западными исследователями в годы «холодной войны». Показано, что этот первоначальный этап становления исследований данной проблематики характеризовался крайней гетерогенностью, поляризованностью мнений и оценок. Предлагались самые разнообразные способы и критерии выделения подсистем, само словосочетание «региональные подсистемы» не приобрело устойчивого характера, выдвигались различные альтернативные подходы. В то же время все исследования данного периода так или иначе вращались вокруг одной центральной проблемы, связанной с поиском ответа на вопрос о характере взаимосвязи региональных подсистем с «доминирующей», биполярной. В этой связи вполне понятно, что с окончанием «холодной войны» перед исследователями феномена ре-

* Лабуткин Никита Сергеевич — аспирант кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: npolitology@gmail.com).

гиональных подсистем не только встали новые задачи, но и открылись новые перспективы. Во второй части статьи представлен обзор взглядов современных зарубежных и российских ученых на проблематику региональных подсистем. Выделены ключевые сюжеты, по которым наблюдаются наибольшие расхождения среди экспертов и к которым прежде всего следует отнести: определение характера взаимодействия подсистемных акторов (сотрудничество vs конфликт), необходимость институционального оформления подсистемы, наличие ее ядра, представленного игроком-лидером. В заключение автор приходит к выводу, что, несмотря на отсутствие консенсуса среди ученых по этим вопросам, исследования региональных подсистем в целом прошли значительный путь от крайней гетерогенности, даже фрагментированности в том, что касается определения принципов, категорий и критериев выделения подсистем, к большему терминологическому единству при сохранении плюрализма подходов, мнений и оценок.

Ключевые слова: теория международных отношений, региональная подсистема, региональные исследования, «холодная война», интеграция, уровни анализа, политическая система.

Системный подход в международных отношениях, находящийся в центре внимания политологов и ученых-международников со второй половины 1950-х годов, кардинально изменил характер международных исследований, переопределив базовые установки в изучении международных процессов за счет увеличения количества уровней анализа¹.

Основы общей теории систем были заложены американским ученым австрийского происхождения Людвигом фон Берталанфи, который ввел в научный оборот классическое понятие системы, определив ее как совокупность элементов, находящихся во взаимодействии друг с другом [Bertalanffy, 1950]. В науке о международных отношениях системная теория получила развитие в работах К. Боулдинга [Boulding, 1956, 1985], А. Рапопорта [Rapoport, 1976], К. Уолтца [Waltz, 1979] и др.

Одним из первых исследований, в рамках которого был применен системный подход к анализу международной среды, стал труд М. Каплана «Система и процесс в международной политике» (System and process in international politics, 1957). В этой работе М. Каплан

¹ Как отмечает М. Бречер, до возникновения нового аналитического концепта «международная система» абсолютное большинство исследователей в своих работах исходили из признания одного уровня анализа, в качестве которого выступало «государство-нация» [Brecher, 1963: 213–214].

выделил шесть моделей международных систем, которые могли использоваться для объяснения процессов в рамках глобальной системы: «баланс сил», «гибкая биполярная система», «жесткая биполярная система», «универсальная система», «иерархичная система», «система единичного вето» с соответствующими каждой характеристиками [Boulding, 1958].

Считается, что именно этот труд стимулировал разработку концепции подсистем международных отношений. В 1958 г. Л. Байндер представил работу «Ближний Восток как подчиненная международная система», где впервые использовал понятие «подчиненная международная система», соотносимое с современной категорией «региональная подсистема». В рамках своего исследования Л. Байндер, отмечая относительную автономность процессов, протекающих на региональном уровне между странами, предпринял попытку опровергнуть тезис М. Каплана о том, что существовавшая в 1950-х годах модель международной системы — биполярность — была способна объяснить процессы, имеющие место в отношениях между «не сверхдержавами» [Binder, 1958: 411; Thompson, 1973: 90].

Выделение среднего уровня международных отношений, находящегося между глобальной, «доминирующей системой»² и региональными системами, задало новый вектор в мирополитических исследованиях. Осознание учеными того факта, что региональные процессы имеют отличную от глобальных динамику, а следовательно, не могут быть достоверно объяснены с помощью инструментария, разработанного для макроуровня, позволило исследователям рассматривать различные регионы как полуавтономные целостности, с одной стороны, и как образования, находящиеся в отношениях взаимовлияния и созависимости с международной системой, — с другой.

Выделение региональных подсистем в качестве самостоятельных объектов анализа дало возможность сравнивать регионы как относительно автономные субъекты/акторы международных отношений, выявляя специфику процессов, присущих конкретным регионам [Özdemir, 2015: 20]. Кроме того, подсистемный подход позволил

² Под «доминирующей системой» Л. Байндер понимал систему отношений между СССР и США, характеризовавшуюся биполярностью; изменения в ее рамках оказывают большее влияние на другие системы, которые он определил в качестве «подчиненных», чем наоборот [Binder, 1958: 410].

анализировать то, как на среднем уровне международной системы проявляют себя глобальные тренды, выявлять закономерности во взаимодействии подсистем друг с другом и т.д. Среди достоинств концепции подсистем выделяется ее потенциал сделать более точным страновой анализ, поскольку государства помещаются в контекст региональных закономерностей [Воскресенский, 2012а: 30].

Появление подсистемных подходов стимулировало развитие различных направлений в региональных исследованиях, например изучение проблем региональной безопасности. К настоящему времени сложилась целая плеяда теорий и концепций в этой сфере, наиболее известной из которых остается теория региональных комплексов безопасности (ТРКБ) Б. Бузана и О. Вэвера [Buzan, Waever, 2003]. Рассмотрение данных подходов может стать предметом отдельного исследования и останется за рамками настоящей статьи, в которой мы прежде всего сосредоточимся на анализе базового концепта региональной подсистемы.

Несмотря на то что концепция региональных подсистем получила широкое распространение среди исследователей-международников, до сих пор не существует однозначного восприятия самого понятия «региональная подсистема». Большинство авторов признают относительность и конструктивистскую природу данной категории, отмечая, что трактовка последней зависит от целей и задач, стоящих перед учеными в рамках их конкретных исследований. К подобным выводам, как представляется, авторы приходят и потому, что ключевые понятия, используемые в самом термине «региональная подсистема», — «регион» и «подсистема» — сами не имеют однозначного толкования, а вопрос их соотношения — общепризнанного ответа.

Действительно, отмеченный методологический плюрализм может быть объяснен и оправдан разнообразием объектов и предметов изучения, междисциплинарностью мирополитических исследований, негласным консенсусом, существующим среди авторов, относительно удобства использования конструируемых понятий. Вместе с тем применение различных подходов, появление всё новых лишают научное сообщество единой исследовательской матрицы, приводя к ситуации, когда исследования в рамках одного направления часто строятся на различных основаниях и проводятся с использованием аналогичных понятий, но имеющих отличные друг от друга значения. Очевидно, что всё это затрудняет понимание исследователями

друг друга, оказывая негативное воздействие на качественное развитие самой концепции подсистем.

В настоящей статье представлен сравнительный обзор существующих в зарубежной и отечественной специальной литературе основных подходов к исследованию региональных подсистем, трактовке категории «региональная подсистема». Автор предпринимает попытку проследить эволюцию концепции подсистем, определив ее современное состояние и выделив основные спорные вопросы, касающиеся интерпретаций понятия «региональная подсистема» и строящихся на их основе теоретико-методологических подходов. Кроме того, поскольку подавляющая часть базовых определений в рамках концепции региональных подсистем появились во второй половине XX в., автор проблематизирует адекватность использования данных подходов применительно к современному этапу развития международной системы.

Исследования феномена региональных подсистем в годы «холодной войны»

С момента публикации работы Л. Байндера в 1958 г., положившей начало изучению региональных подсистем, к настоящему времени сложился целый корпус научных исследований, посвященных анализу регионального/подсистемного уровня международных отношений. В них охвачен по-настоящему широкий спектр различных аспектов рассматриваемого явления — от выделения критериев и границ подсистем до попыток выявления закономерностей поведения последних в рамках общей глобальной/международной системы.

Некоторые ученые были заинтересованы прежде всего в поиске ответов на вопросы, связанные с теоретическим осмыслением концепции региональных подсистем как таковой, посвящая собственные исследования разработке теоретико-методологического инструментария для анализа подсистемного уровня [Acharya, 2007; Berton, 1969; Brecher, 1963, 1969; Buzan, Albert, 2010; Hoffmann, 1961, 1963, 1965; Özdemir, 2015; Thompson, 1970, 1973, 1981].

Другие акцентировали свое внимание на изучении собственно регионов, характерных для них трендов и закономерностей, их сравнении, зачастую опуская вопрос определения того или иного региона, интерпретируемого в географических категориях, в качестве

подсистемы [Cantori, Spiegel, 1969; Ayoob, 1988, 1999; Zartman, 1967; Litsas, Tziampiris, 2019].

Авторы, чьи исследования были посвящены определению сути феномена, который в настоящее время известен как «региональная подсистема», предлагали различную терминологию для описания изучаемого явления. Так, Л. Байндер рассматривал «подчиненные международные системы», отмечая зависимость последних от глобальной и «доминирующей» систем [Binder, 1958]. М. Бречер предложил определение «подчиненной государственной системы», под которым он понимал такой уровень анализа, где акцент делается на межгосударственных проблемах, конфликтах, взаимоотношениях между государственными акторами, не входящими в блоки [Brecher, 1969]. С. Хоффман придерживался категории «частная международная система», в рамках которой, по его замечанию, процессы, происходящие на международной арене, принимают уникальные формы (автор, в частности, говорил о том, что процессы, присущие «холодной войне», проявляются в каждой из частных подсистем по-своему) [Hoffmann, 1961, 1963, 1965]. Если большинство авторов писали о государствах как единственных субъектах любой подсистемы, то П. Бертон, введя понятие «субмакрообразования» (соответствующее современной категории «региональные подсистемы»), ушел от государствоцентричной модели, отметив, что в расчет должны приниматься и негосударственные игроки [Berton, 1969]. Наконец, одним из первых исследователей, введших понятие собственно «региональная подсистема» в научный оборот, стал У. Томпсон, опубликовавший в 1973 г. работу «Региональная подсистема: концептуальное объяснение и набор предположений», посвященную агрегации существовавших на тот момент подходов к анализу регионального уровня и выведению «стандартизированного определения» региональной подсистемы [Thompson, 1973].

Использование различных терминов для обозначения одного и того же явления, очевидно, было связано в том числе со спецификой описания общей системы международных отношений (глобальной системы), которая часто рассматривалась параллельно и отдельно от выделяемой «доминирующей системы». Последняя понималась как общая надстройка над происходящими в мире процессами, выраженная в противостоянии двух сверхдержав — США и СССР.

При этом доминирование рассматривалось в том смысле, что биполярность как конфигурация советско-американских отношений со свойственным им переносом блоковой дисциплины на «нижние уровни» оказывала большее влияние на региональные системы, чем наоборот [Binder, 1958: 410].

Расхождение в терминологии, а следовательно, в подходах к анализу регионов как «подчиненных»/региональных подсистем было также обусловлено спецификой отобранных теми или иными авторами критериев выделения самих подсистем.

Так, в работе Л. Байндера, положившей начало исследованиям подсистем, не было приведено строгих параметров выделения последних. Избрав Ближний Восток в качестве объекта апробации своего метода, Л. Байндер ориентировался на два фактора, позволивших ему охарактеризовать данный регион в качестве «подчиненной системы»: 1) наличие религиозной оппозиции националистическим силам на региональном уровне; 2) колониальный опыт региональных стран, большая часть которых входила в состав Османской империи [Binder, 1958: 415–416].

Впоследствии М. Бречер, исследуя региональный уровень в рамках системного подхода, сформулировал шесть критериев «подчиненной государственной системы»: 1) регион географически ограничен; 2) в нем насчитывается по крайней мере три актора; 3) данные акторы воспринимаются другими игроками как формирующие определенное сообщество, регион или сегмент глобальной системы; 4) формирующие акторы осознают себя в качестве членов данного сообщества, региона и т.д.; 5) центры «подчиненной системы» слабее центров, существующих в «доминирующей системе»; 6) изменения, происходящие в «доминирующей системе», оказывают большее влияние на «подчиненные системы», а не наоборот.

Следует подчеркнуть, что выведенные М. Бречером критерии, как и определение подсистемы («подчиненной государственной системы»), давались с учетом биполярной (блоковой) конфронтации. М. Бречер обозначил два уровня анализа: индивидуальный (государства) и системный (акцент на трех аспектах: «подчиненные системы», «доминирующая система» и глобальная система, или «мир глобальной политической системы» (the world of global political system)).

Интересно отметить усложнение методологии исследования регионального уровня в работе М. Бречера: он предложил понятия «структуры» и «текстуры» для анализа «подчиненных систем». Первое отражает особенности моделей взаимоотношений между игроками в рамках системы, второе — более общие характеристики окружения: материальные, политические, идеологические, в которых развивается взаимодействие между акторами.

Четкий набор критериев определения региональной подсистемы одним из первых представил У. Томпсон в серии работ, вышедших в период с 1970 по 1981 г. Автор проанализировал предложенные его предшественниками параметры определения подсистем (всего он выделил 21 критерий) и апробировал собственные на примере ближневосточной региональной подсистемы. Так, он отмечал, что для определения той или иной области в качестве подсистемы должны соблюдаться четыре условия: 1) модель взаимодействия акторов демонстрирует постоянство в их контактах и такую степень интенсивности, при которой изменения в одной части подсистемы вызывают изменения в других ее частях; 2) акторы находятся поблизости; 3) внутренние и внешние наблюдатели, а также сами региональные акторы признают подсистему в качестве особенной области, или «театра военных действий» (theater of operation); 4) подсистема должна состоять как минимум из двух акторов. Исходя из приведенных критериев, У. Томпсон определял региональную подсистему как «модель взаимодействий, характеризующихся относительным постоянством и интенсивностью, с признанием как внутри, так и во вне ее особой областью, созданной и поддерживаемой как минимум двумя акторами» [Thompson, 1981: 213].

У. Томпсон признавал, что региональная подсистема не обязательно равноценна географическому региону, так как в первую очередь в расчет принимаются взаимодействия на уровне национальных элит. Критерий географической близости, тем не менее, играл значимую роль, выступая одним из двух «достаточных» параметров для определения того или иного пространства в качестве подсистемы. Вторым и, по всей видимости, ключевым критерием у У. Томпсона выступала «интенсивность взаимодействия». Одним из важных выводов автора, сделанных после анализа поведения игроков в рамках региональной подсистемы на примере Ближневосточного региона, стал вывод о том, что членский состав подсистемы имеет тенденцию

к изменению с течением времени и трансформации подсистемного статуса государств [Thompson, 1981: 230].

В отличие от Л. Байндера, М. Бречера и У. Томпсона, сходящихся в том, что географический фактор при определении границ подсистемы имеет одно из ключевых значений, П. Бертон, вводя понятие «субмакроподход», отказался от географического детерминизма, отмечая, что «субмакрообразования, или международные подсистемы, могут совпадать с географическими регионами», но это не является обязательным условием. По мнению П. Бертон, в качестве субмакрообразований — международных подсистем — можно изучать группировки (groupings), участники которых объединены идеологическими, политическими, военными, организационными и иными связями. Примерами потенциальных объектов исследования автор называл коммунистический мир, Британское содружество и Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [Berton, 1969: 329–333].

Интеграционные процессы, набиравшие активность в Европе на протяжении второй половины XX в., высветили новые проблемы при определении существования подсистем в той или иной части мира. В частности, исследователи стали задаваться вопросом, является ли институциональное оформление подсистемы неотъемлемым условием признания ее в качестве таковой.

На этот вопрос также не было однозначного ответа. Одни авторы считали, что наднациональные институты на уровне того или иного региона оформляют саму подсистему и без них она немыслима [Feld, Boyd, 1980: 296], другие, напротив, утверждали, что институты не являются показателем существования подсистемы [Thompson, 1973; Tibi, 1998]. Так, У. Томпсон отмечал, что наличие или отсутствие институтов в регионе зависит от момента изучения подсистемы, но не определяет самого факта ее существования [Thompson, 1973].

Наконец, ликвидация «доминирующей системы» с прекращением биполярного противостояния задала новый вектор в развитии концепции региональных подсистем.

Современные тенденции в развитии исследований региональных подсистем

На первый план в современных условиях вышли такие вопросы, как соотношение нового типа глобальной системы, которая

сама нуждалась в концептуализации, и входящих в нее подсистем; пределы взаимовлияния глобальной и международной систем друг на друга, степень их воздействия на поведение региональных игроков; соотношение границ регионов, трактуемых в географических категориях, и региональных подсистем и др. [Ieda, Uyama, 2006: 9; Özdemir, 2015: 20].

С окончанием «холодной войны» объективно повысилась значимость регионального уровня в рамках глобальной системы. Это, в частности, было связано с увеличением потенциала регионов и региональных организаций в международных делах вследствие прекращения биполярного противостояния, а равно нивелирования фактора блоковой дисциплины, которая до определенной степени ограничивала страны и региональные объединения в их поведении. Признание международным сообществом той роли, какую могли бы сыграть региональные институты в урегулировании конфликтов³, задействование главы VII Устава ООН, регламентирующей деятельность региональных структур в вопросах поддержания мира, фактически означали признание регионов и их организаций, в том числе негосударственных⁴, в качестве субъектов мировой политики, обладающих относительной и большей по сравнению с периодом «холодной войны» автономностью в своих действиях.

Представляется, что, в частности, по этой причине в академической среде к середине 1990-х — началу 2000-х годов закрепилось понятие «региональная подсистема» и отошли на второй план такие категории, как «подчиненная международная система», «подчиненная государственная система», которым были присущи принципы иерархичности и государствоцентризма.

В этот период также появились первые отечественные работы по региональным подсистемам, авторы которых, действуя в русле парадигмы «освоения» [Богатуров, 2000], обращались к западным концепциям при анализе регионального уровня международных отношений, реже — предпринимали попытки предлагать собственные интерпретации подсистемного подхода.

³ Agenda for peace // United Nations. Available at: https://www.un.org/ruleoflaw/files/A_47_277.pdf (accessed: 12.12.2019).

⁴ Ibid. P. 3–4.

Среди множества работ российских авторов, в которых используется категория «региональная подсистема», следует выделить труды таких видных отечественных исследователей, как А.Д. Воскресенский и Т.А. Шаклеина, которым принадлежат оригинальные разработки в рамках концепции подсистем.

А.Д. Воскресенский, под чьей редакцией в 2002 г. вышло первое в России профильное учебное пособие, посвященное региональным подсистемам, внес значительный вклад в осмысление и развитие этой концепции в рамках отечественных исследований. В серии работ автора были отражены основные зарубежные подходы к анализу региональных подсистем, предложена собственная интерпретация категорий «региональная подсистема», «региональный комплекс», «регионализация» и др., рассмотрена эволюция региональных подсистем в исторической ретроспективе и т.д. [Воскресенский, 2012b, 2012c, 2013; Voskresenskii, Boglarka, 2019]. Кроме того, А.Д. Воскресенский представил оригинальную классификацию региональных подсистем с использованием «спатально-плоскостной» («цивилизационно-пространственной») группировки.

Исследователь выделил четыре региональные подсистемы: панамериканскую (межамериканскую), европейскую, африканскую и азиатскую, каждой из которых соответствует международно-политический макрорегион [Воскресенский, 2012: 48]. Под региональной подсистемой при этом А.Д. Воскресенский понимает «совокупность специфических политико-экономических, культурно-цивилизационных, историко-социальных и социокультурных взаимодействий в пространственном кластере системы МО⁵. То есть региональная подсистема МО — это совокупность специфических взаимодействий подсистемного типа, в основе которых лежит общая регионально-географическая, социально-историческая и политико-экономическая принадлежность» [Воскресенский, 2012а: 47–48]. Кроме того, исследователем были определены субрегиональные подсистемы, понимаемые им как международно-политические регионы: «привязанные к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу региональные совокупности явлений, объединенные общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаи-

⁵ Международных отношений. — *Прим. ред.*

мообусловленными» [Воскресенский, 2012: 46]. А.Д. Воскресенский, рассматривая то, что Б. Бузан и М. Альберт определяют в категориях «функциональной дифференциации» подсистем — региональные комплексы [Buzan, Albert, 2010: 321–322], отмечает, что последние, будучи способными «выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде», могут рассматриваться в качестве элемента региональной подсистемы. Представляется, что таким образом происходило встраивание теории региональных комплексов, в частности ТРКБ, в общую концепцию региональных подсистем.

Отметим, что пространственный (пространственно-цивилизационный) критерий, лежащий в основе выделения подсистем, применяется автором не только в отношении современной мирополитической системы. С аналогичных позиций А.Д. Воскресенский описывал биполярную систему, которую он определял как формально существовавшую единую международную систему, де-факто разделенную на «две полярные макрорегиональные подсистемы», обладающие собственными разновидностями модернизационных моделей [Воскресенский, 2013: 87].

Подобное членение глобальной системы с опорой на «спатально-плоскостный» принцип группировки в определенном смысле входит в противоречие со взглядами зарубежных авторов, которые, признавая неустранимость географического фактора при установлении границ подсистем, отмечали необходимость самоидентификации региональными игроками себя в качестве акторов конкретного региона, рассматриваемого ими, а также внешними наблюдателями как особая область — региональная/подчиненная подсистема. Кроме того, биполярность, которую А.Д. Воскресенский определяет в качестве «формально существующей международной системы» периода «холодной войны», в рамках отдельных зарубежных исследований того времени определялась как «доминирующая система». Международная же система (в категориях того же М. Бречера — «глобальная политическая система» (Global Political System)) — выступала одним из трех уровней в классификации мира наряду с «подчиненными системами» и «доминирующей системой». Согласно М. Бречеру, для того чтобы построить «всеобъемлющую модель мировой системы», требуется объединить (link) модели «доминирующей системы» и «подчиненных подсистем» [Brecher, 1963: 217–218].

Следует отметить, что при внимательном рассмотрении основных работ А.Д. Воскресенского неочевидным остается и вопрос соотношения используемых им понятий, в частности, таких как «региональный комплекс (безопасности)» и «региональная подсистема». Так, отмечая в одной статье, что «понятие региональной подсистемы шире понятия регионального комплекса <...>, а региональный комплекс может являться асимметричной частью, центром (стержнем) региональной подсистемы, а может полностью совпадать с ней» [Воскресенский, 2012а: 52], в другом месте исследователь говорит о тождественности понятия «региональная подсистема» категории «региональный комплекс безопасности», присутствующей в терминологическом аппарате Б. Бузана и О. Вэвера [Ieda, Uyama, 2006: 8–9]. Подобное, на наш взгляд, является следствием запутанности терминологического аппарата (в том числе с точки зрения множественности интерпретаций одних и тех же категорий), сложившейся к настоящему времени в рамках региональных исследований, и, как результат, возможной путаницы при определении соотношения понятий при попытке их встраивания в единую концепцию региональных подсистем.

Другим отечественным исследователем, в чьих работах была предпринята попытка осмыслить и дополнить концепцию региональных подсистем оригинальными положениями, является Т.А. Шаклеина. Автором было предложено определение региональной подсистемы и выдвинуты предположения об условиях существования последней на фоне роста числа мировых держав в XXI в. [Шаклеина, 2011; Shakleina, 2013]. Региональную подсистему Т.А. Шаклеина определяет как «совокупность государств, объединяемых географическим фактором; стремлением к деятельности на основе общих интересов и общих признаваемых институтов в сфере экономики, торговли, безопасности, иногда в политической сфере, в том числе по вопросам мирорегулирования; близостью исторического опыта и культуры» [Шаклеина, Байков, 2017: 84–86]. Для определения некоего пространства в качестве подсистемы в рамках региона должно существовать государство-лидер, играющее роль ядра: государство «наиболее сильное (по параметрам ведущей державы) и креативное» [Shakleina, 2013: 39]. Кроме того, по замечанию автора, для того чтобы тот или иной регион мог быть классифицирован в качестве

региональной подсистемы, на его пространстве должна существовать система общепризнанных институтов.

В определении Т.А. Шаклеиной ключевыми субъектами региональной подсистемы выступают государства и, очевидно, формируемые ими наднациональные объединения, в задачи которых входит «цементирование» статуса того или иного региона в качестве подсистемы. Подобное определение, на наш взгляд, не в полной мере отражает тенденцию усиления роли негосударственных игроков в мировой политике, оставляя их, по сути, за рамками анализа региональных подсистем. О необходимости учета негосударственных акторов в качестве подсистемных игроков писал в относительно недавнем исследовании Х. Оздемир, который указывал на возможность выделения двух типов подсистем по критерию участников: «симметричных», субъектами в рамках которых выступают группы государств, и «асимметричных», предполагающих разнообразие акторов [Özdemir, 2015: 15].

Кроме того, вынесение «стремления к деятельности на основе общих интересов», а равно акцентуация сотрудничества в отношениях между потенциальными субъектами подсистемы ведут к недоучету «объединительного» потенциала конфликтного взаимодействия — того, что выступало одним из аспектов критерия «интенсивности взаимодействий» в работах рассмотренных ранее зарубежных исследователей. Представляется, что признание субъектности того или иного пространства как подсистемы в данном случае сводится к интерпретации самой подсистемы в категориях интеграции и должно быть расширено за счет допущения существования подсистем «конфликтного» типа.

В качестве яркого примера подобной подсистемы можно назвать Ближний Восток, которому на протяжении всей современной истории были присущи значительное количество конфликтов, практика построения *ad hoc* коалиций по принципу «враг моего врага — мой друг», несмотря на существование интеграционных очагов (ССАГПЗ⁶, Союз арабского Магриба), общерегионального института, представленного Лигой арабских государств (ЛАГ). Следует также отметить, что хотя Израиль находился в состоянии перманентной войны с арабскими странами почти всю вторую половину XX в., его

⁶ Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. — *Прим. ред.*

принадлежность к ближневосточной подсистеме практически не подвергалась сомнению исследователями. На теоретическом уровне это, в частности, объяснялось положительной ролью арабо-израильского конфликта с точки зрения объединения ближневосточных стран [Buzan, Waever, 2003: 191]. Сам же арабо-израильский конфликт, вполне справедливо, на наш взгляд, рассматриваемый как борьба за статус государства в рамках подсистемы [Thompson, 1981: 219], выступал ее ключевой проблемой и оказывал значительное влияние на ее развитие. Ряд авторов уже отмечали роль конфликта как процесса, участвующего в формировании региональной подсистемы [Thompson, 1973; Tibi, 1998].

Допущение существования подсистем «конфликтного» типа закономерно снова ведет к постановке вопросов относительно необходимости наличия в подсистеме интеграционного института, который устанавливал бы правила и нормы и распространял их на всех игроков. Среди современных авторов, не связывающих существование подсистемы с общерегиональными институтами, можно выделить профессора А. Энтешами, который отмечает, что подсистема может характеризоваться отсутствием разделяемых всеми акторами «правил игры», а следовательно, наличие общих институтов также не является обязательным [Enteshami, 2014].

Кроме того, признавая первичность «конфликтного» типа взаимодействий в рамках подсистемы, мы можем допустить отсутствие ее ядра, представленного государством-лидером, при существовании одного игрока (или ряда игроков, объединенных в блок, что также может не быть обязательным условием), который превосходит по своей силе остальных. В этом случае подсистема будет характеризоваться перетекающими стадиями конфликта между акторами, борющимися за установление гегемонии на том или ином пространстве. Определение же данного пространства в качестве подсистемы допустимо, на наш взгляд, главным образом в связи с наличием неких паттернов поведения игроков, существованием устойчивой структуры отношений между ними, которые, с одной стороны, будут соотноситься с параметрами глобальной системы, с другой — иметь уникальные черты и закономерности. Например, немецкий ученый сирийского происхождения Б. Тибби подчеркивал, что хотя центром подсистемы и может выступать региональная

держава, это не является обязательным условием, и в отсутствие государства-ядра региональная подсистема просто станет принимать «полицентричные формы» [Tibi, 1998].

Отметим, что рассмотрение отечественных работ, посвященных теоретическим вопросам функционирования международной системы, определению подходов к анализу регионального уровня, оценке отдельных региональных подсистем, позволяет сделать вывод о существовании концептуального вакуума в данной области. Это может объясняться относительно недолгим развитием современных российских международных исследований, сохранением в отечественной науке приоритета «парадигмы освоения» [Цыганков, 2014: 72], продолжающимся становлением отечественной исследовательской традиции в сфере общественных наук, начало которому было положено с выходом последних из-под «прессинга марксизма-ленинизма» [Цыганков, 2003: 104].

Если же возвращаться к зарубежными исследованиям по данной проблематике, то можно отметить, что при сохранении популярности подсистемного подхода среди ученых и экспертов в настоящее время существует сравнительно небольшое количество оригинальных работ, посвященных теоретическим ее аспектам. Это, в частности, может быть связано с переключением внимания ученых на более узкие, специализированные направления региональных исследований, например в сфере региональной безопасности.

Актуализация исследований в области безопасности, происходящая на фоне роста конфликтности в отдельных регионах мира, множасьихся измерений самой безопасности (энергетическая, человеческая, водная, продовольственная, климатическая), тем не менее, нашла отражение и в подсистемных исследованиях.

Так, греческий автор А. Циампирис предпринял попытку увязать ТРКБ Б. Бузана и О. Вэвера с концепцией подсистем. По его мнению, наличие регионального комплекса безопасности в рамках региональной подсистемы следует рассматривать в качестве необходимого критерия выделения этой самой подсистемы [Litsas, Tziampiris, 2019: 3–4].

Другой чертой современного этапа развития подсистемной концепции можно обозначить продолжающийся поиск новых критериев для идентификации региональных подсистем. Интересной пред-

ставляется идея «межподсистемного подхода» (inter-subsystemic approach) турецкого исследователя Х. Оздемира, согласно которой основой для выделения региональных подсистем служит концепт стратегической культуры [Özdemir, 2015: 17].

Поиск новых оснований для разграничения подсистем, безусловно, соответствует потребностям современного состояния глобальной системы, которая сама находится в процессе трансформации. Уточнение теоретико-методологических основ анализа регионального уровня посредством переосмысления положений базовых концепций и выведения новых, соответствующих времени, представляется исключительно актуальной задачей, решение которой позволит точнее анализировать региональные и международные процессы.

* * *

Даже этот неизбежно краткий обзор основных зарубежных и отечественных подходов, сложившихся к настоящему времени в рамках концепции региональных подсистем, позволяет сделать некоторые выводы об их ключевых особенностях и выделить спорные вопросы, существующие среди авторов.

Большинство рассмотренных определений понятия «подсистема» объединяет следующее: 1) государствоцентричный характер — ключевыми, а в большинстве случаев единственными игроками считаются государства; 2) признание подчиненности региональных подсистем «доминирующей» системе в смысле соотношения степени их влияния друг на друга; 3) акцентирование относительной автономности процессов, наблюдаемых в регионах, а также специфичности отражения глобальных процессов на региональном уровне; 4) указание на наличие как минимум двух акторов в подсистеме, воспринимающих себя в качестве таковых и саму подсистему — в качестве особой области, а также необходимость признания внешними игроками того или иного пространства в качестве подсистемы (упрощенно назовем это критерием «идентификации»); 5) признание важности географической близости акторов подсистемы, их принадлежности к определенному географическому региону.

При этом расширение состава участников мировой политики за счет усиления роли и влияния негосударственных акторов требует переосмысления подсистемной концепции, имеющей преимущест-

венно государствоцентричный характер, с тем чтобы она в большей мере соответствовала современным тенденциям. Это, с одной стороны, усложнит анализ подсистемных процессов, значительно увеличив количество его уровней и единиц, с другой — позволит более точно описывать и объяснять данные процессы. Следовательно, можно поставить вопрос о необходимости выработки критериальной системы, которая даст возможность относить те или иные негосударственные субъекты к разряду подсистемных. Попытка решить эту задачу может быть предпринята в рамках отдельного исследования.

«Подчиненность» как одна из характеристик региональных подсистем во многом изжила себя с уходом в прошлое биполярности, когда влияние «доминирующей» системы на региональный уровень было очевидным. В настоящий момент, однако, несмотря на признание автономности и самоценности региональных процессов, в условиях продолжающихся попыток теоретического осмысления современного состояния глобальной системы можно поставить ряд новых вопросов о соотношении международной и региональных систем. Является ли международная система суммой процессов, протекающих на региональных и субрегиональных уровнях? Существует ли в настоящее время «доминирующая» система, и если да, то чем она характеризуется и какова ее роль? В какой степени глобальная и региональная системы оказывают друг на друга влияние? Каким образом взаимодействуют друг с другом региональные подсистемы? Как представляется, ответы на эти и многие другие вопросы могут позволить уточнить подсистемную концепцию, сделав ее более адекватной современности.

На наш взгляд, критерии «идентификации» и географической близости могут выступать ключевыми «парными» характеристиками при определении того или иного пространства в качестве региональной подсистемы. Излишний географический детерминизм может вести к выделению подсистем, акторы в рамках которых на практике не соотносят себя с данными пространствами, а следовательно, принимают ограниченное участие в локальных процессах или полностью абстрагируются от них. В этой связи критерий «идентификации» позволяет фильтровать умозрительные конструкции исследователей посредством учета ориентаций самих акторов.

Наиболее полемичными вопросами, существующими среди исследователей, по нашему мнению, остаются: 1) определение характера взаимодействия подсистемных акторов (сотрудничество vs конфликт); 2) роль институционального оформления подсистемы; 3) необходимость наличия ее ядра — игрока-лидера.

Представляется, что основным водоразделом между авторами в их взглядах на признание того или иного региона/набора акторов в качестве подсистемы является трактовка роли сотрудничества и конфликта, поскольку именно акцентуация первого необходимо ведет к востребованности интеграционной составляющей с выделением игрока-лидера.

Как было отмечено ранее, конфликт как взаимодействие особого типа, способное достигать высокой интенсивности, может способствовать формированию подсистемы, оказывая значительное влияние на ее развитие и структурирование. В качестве примера можно рассматривать Ближневосточный регион. С этой точки зрения сотрудничество перестает выступать единственно возможной разновидностью взаимодействия, способной «цементировать» региональную подсистему.

Исходя из этого, мы можем поставить вопрос о существовании разных типов подсистем, характеризующихся как большей/меньшей степенью сплоченности (подсистемы интеграционного типа), так и отсутствием общерегиональных интеграционных процессов, высоким уровнем конфликтности (подсистемы конфликтного типа). Следовательно, можно говорить о как минимум двух вариантах понимания подсистемы: 1) подсистема как образование, где доминирует интеграция; 2) подсистема как совокупность элементов (субъектов), выделяемых по принципу интенсивности взаимодействия.

В целом можно заключить, что исследования региональных подсистем прошли путь от крайней гетерогенности, даже фрагментированности в том, что касается определения принципов, категорий и критериев выделения подсистем, к большему терминологическому единству при сохранении плюрализма подходов, мнений и оценок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров А.Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 195–201.
2. Воскресенский А.Д. Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: РОССПЭН, 2002.

3. Воскресенский А.Д. Историческая эволюция международного сообщества и ее влияние на формирование региональных подсистем международных отношений // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. № 21 (122). С. 83–94.

4. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 2 (8). С. 30–58.

5. Воскресенский А.Д. Регионализация в современных международных отношениях (Начало) // Восток. 2012. № 5. С. 5–17.

6. Воскресенский А.Д. Регионализация в современных международных отношениях (Окончание) // Восток. 2012. № 6. С. 5–12.

7. Цыганков А.П. Российская теория международных отношений: какой ей быть? // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 2 (15–16). С. 65–83.

8. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Теория международных отношений в России: отчего не спешат появляться школы? // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 3. С. 104–116.

9. Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2. С. 29–39.

10. Шаклеина Т.А., Байков А.А. Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. М.: Аспект-Пресс, 2017.

11. Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // World Politics. 2007. Vol. 59. No. 4. P. 629–652. DOI: 10.1353/wp.2008.0000.

12. Ayoob M. From regional system to regional society: Exploring key variables in the construction of regional order // Australian Journal of International Affairs. 1999. Vol. 53. Iss. 3. P. 247–260. DOI: 10.1080/00049919993845.

13. Ayoob M. Regional security in the Third World: Case studies from the Southeast Asia and the Middle East. Boulder: Westview Press, 1988.

14. Bertalanffy L. The theory of open systems in physics and biology // Science. 1950. No. 111. P. 23–29.

15. Berton P. International subsystems: A submacro approach to international studies // International Studies Quarterly. 1969. Vol. 13. Iss. 4. P. 329–334.

16. Binder L. The Middle East as a subordinate international system // World Politics. 1958. Vol. 10. Iss. 03. P. 408–429.

17. Boulding K.E. General systems theory: The skeleton of science // Management Science. 1956. Vol. 2. No. 3. P. 197–208.

18. Boulding K.E. Theoretical systems and political realities: A review of Morton A. Kaplan 'System and process in international politics' // Journal of Conflict Resolution. 1958. Vol. 2. Iss. 4. P. 329–334.

19. Boulding K.E. The world as a total system. Beverly Hills; London; New Delhi: Sage Publications, 1985.

20. Brecher M. International relations and Asian studies: The subordinate state system of Southern Asia // World Politics. 1963. Vol. 15. No. 2. P. 213–235.

21. Brecher M. The Middle East subordinate system and its impact on Israel's foreign policy // International Studies Quarterly. 1969. Vol. 13. No. 2. P. 117–139.

22. Buzan B., Albert M. Differentiation: A sociological approach to international relations theory // *European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 16. No. 3. P. 315–337. DOI: 10.1177/1354066109350064.
23. Buzan B., Waever O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
24. Cantori L.J., Spiegel S.L. The international politics of regions: A comparative approach // *International Studies Quarterly*. 1969. Vol. 14. No. 4. P. 361–380.
25. Enteshami A. Middle East Middle powers: Regional role, international impact // *Uluslararası İlişkiler*. 2014. Vol. 11. No. 42. P. 29–49.
26. Feld W.J., Boyd G. *Comparative regional systems: West and East Europe, North America, the Middle East, and developing countries*. New York: Pergamon Press, 1980.
27. Hoffmann S. Discord in community: The North Atlantic area as a partial international system // *International Organization*. 1963. Vol. 17. No. 3. P. 521–549.
28. Hoffmann S. *International systems and international law // World Politics*. 1961. Vol. 14. No. 1. P. 205–237.
29. Hoffmann S. *The state of war: Essays on the theory and practice of international politics*. New York: Praeger, 1965.
30. Ieda O., Uyama T. *Reconstruction and interaction of Slavic Eurasia and its neighboring worlds*. Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006.
31. Litsas S.N., Tziampiris A. *The new Eastern Mediterranean: Theory, politics and states in a volatile era*. Springer, 2019.
32. Nadkarni V., Noonan N.C. *Challenge and change. Global threats and the state in twenty-first century international politics*. New York: Palgrave Macmillan, 2016.
33. Nadkarni V., Noonan N.C. *Emerging powers in a comparative perspective. The political and economic rise of the BRIC countries*. New York: Bloomsbury, 2012.
34. Özdemir H. An inter-subsystemic approach in international relations // *All Azimuth*. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 5–26. DOI: 10.20991/allazimuth.167329.
35. Rapoport A. *General systems theory: A bridge between two cultures. Third annual Ludwig von Bertalanffy memorial lecture // Behavioral Science*. 1976. Vol. 21. Iss. 4. P. 228–239.
36. Shackleina T.A. *New trends in subsystem formation in the 21st century // Comparative Politics Russia*. 2013. No. 3. P. 33–43.
37. Thompson W.R. The Arab sub-system and the feudal pattern of interaction: 1965 // *Journal of Peace Research*. 1970. Vol. 7. No. 2. P. 151–167.
38. Thompson W.R. Delineating regional subsystems: Visit networks and the Middle East case // *International Journal of Middle East Studies*. 1981. Vol. 13. No. 2. P. 213–235. DOI: 10.1017/S0020743800055306.
39. Thompson W.R. The regional subsystem: A conceptual explication and a propositional inventory // *International Studies Quarterly*. 1973. Vol. 17. No. 1. P. 89–117.

40. Tibi B. Conflict and war in the Middle East: From interstate war to new security. New York: St. Martin's Press, 1998.
41. Voskressenski A.D., Boglarka K. The regional world order: Transregionalism, regional integration, and regional projects across Europe and Asia. Lanham: Lexington Books, 2019.
42. Waltz K.N. Theory of international politics. New York: Random House, 1979.
43. Zartman W.I. Africa as a subordinate state system in international relations // International Organization. 1967. Vol. 21. No. 3. P. 545–564.

N.S. Labutkin

**THE REGIONAL SUBSYSTEM CONCEPT:
FROM HETEROGENEITY TO PLURALISM**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The study of regional subsystems dates back to the 1950s, when it became clear that the models developed to explain the logic behind the bipolar international system could not adequately reflect the specificities of regional processes. Therefore, there was a pressing need to complement traditional system level analysis with a new, subsystemic approach. The paper provides a comparative analysis of both Russian and Western definitions of the regional subsystem concept. The author examines the evolution of the regional subsystem concept research field, its current state and identifies the key competing approaches, as well as their methodological and theoretical foundations. The first section covers definitions of the subsystem concept developed by the Western researchers during the Cold War period. The author emphasizes that this initial foundational phase for the development of the research field was marked by extreme heterogeneity of views, opinions and assessments. The experts suggested various principles and criteria for identifying regional subsystems, while the very meaning of a 'regional subsystem' has not yet been settled. At the same time, the author shows that all the discussions during that period revolved around one central issue that is how the regional subsystem is linked to the 'dominant' one — a bipolar. In that regard, it is only natural that with the end of the Cold War the studies of regional subsystems faced new challenges but also gained a new momentum. The second section examines views of contemporary Russian and Western scholars. The author identifies the key discussion points, which include primarily the nature of relations between subsystem actors: whether they should necessarily be cooperative or not; if they need formal institutionalization and whether they should be organized hierarchically with a strong leading state. The author concludes

that despite the absence of expert consensus on these issues, the studies of regional subsystems have come a long way from extreme heterogeneity, even fragmentation of the very basic theoretical premises, to a much greater terminological consistency but have retained the pluralism of views, opinions and assessments.

Keywords: international relations theory, regional subsystem, regional studies, the Cold War, integration, level of analysis, political system.

About the author: *Nikita S. Labutkin* — PhD Candidate at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: npolitology@gmail.com).

REFERENCES

1. Bogaturov A.D. 2000. Desyat' let paradigmy osvoeniya [Ten years of the paradigm of familiarizing]. *Pro et Contra*, vol. 5, no. 1, pp. 195–201. (In Russ.)
2. Voskresenskii A.D. 2002. *Vostok/Zapad. Regional'nye podsistemy i regional'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii* [East/West: Regional subsystems and regional issues of international relations]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
3. Voskresenskii A.D. 2013. Istoricheskaya evolyutsiya mezhdunarodnogo soobshchestva i ee vliyanie na formirovanie regional'nykh podsistem mezhdunarodnykh otnoshenii [Historical evolution of international society and its influence on the formation of regional sub-systems of international relations]. *Vestnik RGGU*, no. 21 (122), pp. 83–94. (In Russ.)
4. Voskresenskii A.D. 2012a. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in contemporary IR]. *Comparative Politics Russia*, vol. 3, no. 2 (8), pp. 30–58. (In Russ.)
5. Voskresenskii A.D. 2012b. Regionalizatsiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh (Nachalo) [Regionalization in contemporary international relations: Part 1]. *Vostok/Oriens*, no. 5, pp. 5–17. (In Russ.)
6. Voskresenskii A.D. 2012c. Regionalizatsiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh (Okonchanie) [Regionalization in contemporary international relations: Part 2]. *Vostok/Oriens*, no. 6, pp. 5–12. (In Russ.)
7. Tsygankov A.P. Rossiiskaya teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: kakoi ei byt'? [Russian international relations theory: What should it be like?]. *Comparative Politics Russia*, vol. 5, no. 2 (15–16), pp. 65–83. (In Russ.)
8. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. 2003. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Rossii: otchego ne speshat poyavlyat'sya shkoly? [International relations theory in Russia: Why are schools slow to appear?]. *International Trends*, vol. 1, no. 3, pp. 104–116. (In Russ.)

9. Shakleina T.A. 2011. Velikie derzhavy i regional'nye podsistemy [Great powers in global and regional politics]. *International Trends*, vol. 9, no. 2, pp. 29–39. (In Russ.)
10. Shakleina T.A., Baikov A.A. 2017. *Megatrendy: osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke* [Megatrends. World order evolution in the 21st century]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
11. Acharya A. 2007. The emerging regional architecture of world politics. *World Politics*, vol. 59, no. 4, pp. 629–652. DOI: 10.1353/wp.2008.0000.
12. Ayoob M. 1999. From regional system to regional society: Exploring key variables in the construction of regional order. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 53, no. 3, pp. 247–260. DOI: 10.1080/00049919993845.
13. Ayoob M. 1986. *Regional security in the Third World: Case studies from the Southeast Asia and the Middle East*. Boulder, Westview Press.
14. Bertalanffy L. 1950. The theory of open systems in physics and biology. *Science*, no. 111, pp. 23–29.
15. Berton P. 1969. International subsystems: A submacro approach to international studies. *International Studies Quarterly*, vol. 13, no. 4, pp. 329–334.
16. Binder L. 1958. The Middle East as a subordinate international system. *World Politics*, vol. 10, no. 3, pp. 408–429.
17. Boulding K.E. 1956. General systems theory: The skeleton of science. *Management Science*, vol. 2, no. 3, pp. 197–208.
18. Boulding K.E. 1958. Theoretical systems and political realities: A review of Morton A. Kaplan 'System and process in international politics'. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 2, no. 4, pp. 329–334.
19. Boulding K.E. 1985. *The world as a total system*. Beverly Hills, London, New Delhi, Sage Publications.
20. Brecher M. 1963. International relations and Asian studies: The subordinate state system of Southern Asia. *World Politics*, vol. 15, no. 2, pp. 213–235.
21. Brecher M. 1969. The Middle East subordinate system and its impact on Israel's foreign policy. *International Studies Quarterly*, vol. 13, no. 2, pp. 117–139.
22. Buzan B., Albert M. 2010. Differentiation: A sociological approach to international relations theory. *European Journal of International Relations*, vol. 16, no. 3, pp. 315–337. DOI: 10.1177/1354066109350064.
23. Buzan B., Waever O. 2003. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge, Cambridge University Press.
24. Cantori L.J., Spiegel S.L. 1969. The international politics of regions: A comparative approach. *International Studies Quarterly*, vol. 14, no. 4, pp. 361–380.
25. Enteshami A. 2014. Middle East middle powers: Regional role, international impact. *Uluslararası İlişkiler*, vol. 11, no. 42, pp. 29–49.
26. Feld W.J., Boyd G. 1980. *Comparative regional systems: West and East Europe, North America, the Middle East, and developing countries*. New York, Pergamon Press.

27. Hoffmann S. 1963. Discord in community: The North Atlantic area as a partial international system. *International Organization*, vol. 17, no. 3, pp. 521–549.
28. Hoffmann S. 1961. International systems and international law. *World Politics*, vol. 14, no. 1, pp. 205–237.
29. Hoffmann S. 1965. *The state of war: Essays on the theory and practice of international politics*. New York, Praeger.
30. Ieda O., Uyama T. 2006. *Reconstruction and interaction of Slavic Eurasia and its neighboring worlds*. Slavic Research Center, Hokkaido University.
31. Litsas S.N., Tziampiris A. 2019. *The new Eastern Mediterranean: Theory, politics and states in a volatile era*. Springer.
32. Nadkari V., Noonan N.C. 2016. *Challenge and change. Global threats and the state in twenty-first century international politics*. New York, Palgrave Macmillan.
33. Nadkami V., Noonan N.C. 2012. *Emerging powers in a comparative perspective. The political and economic rise of the BRIC countries*. New York, Bloomsbury.
34. Özdemir H. 2015. An inter-subsystemic approach in international relations. *All Azimuth*, vol. 4, no. 1, pp. 5–26. DOI: 10.20991/allazimuth.167329.
35. Rapoport A. 1976. General systems theory: A bridge between two cultures. Third annual Ludwig von Bertalanffy memorial lecture. *Behavioral Science*, vol. 21, no. 4, pp. 228–239.
36. Shakleina T.A. 2013. New trends in subsystem formation in the 21st century. *Comparative Politics Russia*, no. 3 (13), pp. 33–43.
37. Thompson W.R. 1970. The Arab sub-system and the feudal pattern of interaction: 1965. *Journal of Peace Research*, vol. 7, no. 2, pp. 151–167.
38. Thompson W.R. 1981. Delineating regional subsystems: Visit networks and the Middle East case. *International Journal of Middle East Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 213–235. DOI: 10.1017/S0020743800055306.
39. Thompson W.R. 1973. The regional subsystem: A conceptual explication and a propositional inventory. *International Studies Quarterly*, vol. 17, no. 1, pp. 89–117.
40. Tibi B. 1998. *Conflict and war in the Middle East: From interstate war to new security*. New York, St. Martin's Press.
41. Voskressenski A.D., Boglarka K. 2019. *The regional world order: Transregionalism, regional integration, and regional projects across Europe and Asia*. Lanham, Lexington Books.
42. Waltz K.N. 1979. *Theory of international politics*. New York, Random House.
43. Zartman W.I. 1967. Africa as a subordinate state system in international relations. *International Organization*, vol. 21, no. 3, pp. 545–564.